

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ДЕГЕРОИЗАЦИИ ОБРАЗА ТЕРРОРИСТОВ*

В. Ф. Олешко¹⁾, Е. В. Олешко²⁾

*¹⁾Уральский федеральный университет,
пр. Ленина, 51, 620000, г. Екатеринбург, Россия,
vladimir.oleshko@urfu.ru,*

*²⁾Уральский федеральный университет,
пр. Ленина, 51, 620000, г. Екатеринбург, Россия,
pps2424@mail.ru*

В статье актуализирована тема дегероизации образа террористов при посредстве массмедиа. Авторы на основании результатов проведенного ими в течение последних пяти лет исследования выделяют компоненты, которые могут быть одними из элементов разработанного алгоритма дегероизации. На конкретных примерах доказано, что процесс текстотворчества должен при этом не только характеризоваться доказательностью и определенностью, но и содержать свойства эвристичности. Как свидетельствует новейшая практика, это способствует прежде всего сохранению приоритета массмедиа в конкуренции с текстами авторов социальных сетей.

Ключевые слова: массмедиа; террористический акт; террорист; образ; дегероизация; ресурс.

LEXICAL AND SEMANTIC RESOURCES FOR DEHEROIZATION OF TERRORISTS IMAGES

V. F. Oleshko^a, E. V. Oleshko^b

*^aUral Federal University,
51, Lenina Ave., 620000, Ekaterinburg, Russia
Corresponding author: V. F. Oleshko (vladimir.oleshko@urfu.ru),*

*^bUral Federal University,
51, Lenina Ave., 620000, Ekaterinburg, Russia
Corresponding author: V. F. Oleshko (pps2424@mail.ru)*

The article actualizes the problem of deheroization of the image of terrorists through the mass media. Using the results of their research conducted over the

past five years, the authors identify the components that can be the elements of the developed deheroization algorithm. Using specific examples, they prove that the process of text-making should be characterized not only by evidence and certainty, but also should contain heuristic properties. According to the latest practice, this primarily contributes to maintaining the priority of the mass media in competition with the texts of the authors of social networks.

Key words: mass media; terrorist act; terrorist; image; deheroization; resource.

В новейшей мировой практике террористические акты, увы, не редкость. Об этом свидетельствовали, в частности, события лета 2021 года в Афганистане. Данного рода трагические события всегда широко освещаются массмедиа, при этом происшедшее чаще всего раскрывается журналистами через участников событий. Какими чертами наделит их журналист, используя какие методы охарактеризует, передаст убеждения и принципы истинных героев, противостоящих террористам, и злодеев – от этого будет зависеть и сложившаяся точка зрения на происшедшее у большинства представителей массовой аудитории, даже тех, кто проживает вдали от «горячих точек».

Герой в массовом сознании – это человек, отличающийся отвагой, совершающий самоотверженные поступки или даже подвиги во имя других людей. Соответственно образ антигероя формируется массмедиа при посредстве «демонстрации комплекса качеств, заведомо не приемлемых, к примеру, для большинства читателей» [1, с. 112]. Таким образом можно предположить, что публикации, посвященные теме террористических актов, призваны прежде всего дискредитировать в глазах общественности организаторов и пособников террора, а также нивелировать их какой бы то ни было авторитет в глазах родных и тех людей, которые были ранее знакомы с террористами. При этом при посредстве творческого алгоритма дегероизации необходимо так представить данный образ, чтобы ни у кого не возникло желания повторить нечто подобное, вызвав тем самым гнев, всеобщее возмущение и шквал проклятий. В новейшей исследовательской практике [2] формирование социально-психологических установок при посредстве медиа (прежде всего по отношению к событиям, вызвавшим широкий общественный резонанс) связывается с процессом развития коммуникативно-культурной памяти нации.

В лексико-семантическом поле нашего исследования, эмпирической базой которого послужил тематический мониторинг 112 отече-

ственных и зарубежных массмедиа, в которых освещались резонансные террористические акты 2016–2021 гг., словом-идентификатором являлся термин «терроризм». Его полисемантичесность, а также прямое или косвенное влияние на различные сферы социальной деятельности в течение определенного временного периода в случае реального акта или проведения контртеррористической деятельности позволили нам представить алгоритм дегероизации как совокупность лексического и семантического контекста.

К лексическому методу дегероизации образа террориста можно отнести использование понятий «свой-чужой», эвфемизмы, дисфемизмы, выразительные средства языка и некоторые другие. При помощи таких приемов субъект информационной деятельности может сформировать негативное отношение к тому или иному антигерою публикации: вызывать неодобрение и даже презрение. Однако отрицательной стороной использования таких инструментов является появление в контенте стереотипов и штампов, которые нередко относятся к людям, не задействованным в событии. Кроме того, злоупотребление такими приемами ведет к необоснованным обвинениям и суждениям, например, когда журналист напрямую называет человека преступником, тогда как такой статус могут определять лишь официальные государственные органы.

Дисфемизм, как известно, имеет противоположное значение эвфемизму. Поэтому использование грубых, зачастую вульгарных слов и выражений в стилистике сниженной лексики для резко негативной оценки или создания экспрессии нередко характеризовало происшедшее в проанализированном нами контенте. Так, председатель комитета по международным делам Совета Федерации Константин Косачев о теракте в Анкаре – убийстве российского посла Андрея Карлова – выразился таким образом: «Это может быть спланированная террористическая акция, за которой стоят экстремисты. Может быть и акт сумасшедшего маньяка-одиночки» (<https://ria.ru/20161219/1484028222.html>). Еще более резко охарактеризовал «чужих», совершивших теракт в петербургском метро, занимавший тогда пост премьер-министра страны Дмитрий Медведев: «Всегда есть большое количество различного рода пособников, всяких уродов, которые занимаются промывкой мозгов и, по сути, предлагают совершить террористический акт» (gazeta.ru/politics/news/2017/04/04/n_9881963.shtml).

Активно могут использоваться в данном случае и маркированные с точки зрения авторов публикаций экспрессивные слова и выраже-

ния, которые напрямую свидетельствуют о негативном отношении к антигерою публикации. Одними из самых распространенных синонимов к понятию «террорист» в проанализированных текстах являлись: джихадист, боевик, смертник. Для усиления воздействия на массовую аудиторию было эффективно также использование эпитетов, сравнений и метафор. Ведь это не только привлекает и удерживает внимание, но и включает ассоциативное мышление индивида, как бы визуализирует происходящее: «Решительно осуждаем кровавую вылазку террористов, которой не может быть никаких оправданий. Рассчитываем, что организаторы и исполнители этого бесчеловечного преступления будут оперативно выявлены и понесут самое суровое наказание (<https://ria.ru/20180714/1524587044.html>). Сравнения, впрочем, как и метафоры, также являются часто используемыми инструментами дегероизации и дискриминации образа террористов: «Но так считаем мы, нормальные люди, а террористы – это нелюди, тут другая логика» (<https://ria.ru/20170608/1496138105.html>).

В качестве эффективного, вызвавшего многочисленные отклики публицистического текста можно привести фрагмент, в котором отражено большинство лексических и семантических ресурсов дегероизации: «Недостаток мегатерактов с точки зрения террористов не только в том, что при подготовке очень трудно не наследить, но и в том, что само их осуществление требует не только фанатизма – “Ах, если бы со мной погибла вся Вселенная!” – но и высокой технической подготовки. Не всякий, пусть вполне безжалостный, фанатик способен направить пассажирский лайнер в небоскреб, для этого как минимум необходимы летные навыки. Не всякий даже способен организовать и охранять концлагерь, как в “Норд-Осте”. Если же учесть, что такие высокотехнологичные террористы, подготовить которых стоит больших денег и немалого времени, на 99,9 % *смертники*, то данная модель убийства оказывается весьма дорогой» (<https://russian.rt.com/opinion/432054-sokolov-o-novoy-taktike-terroristov>).

В случаях, когда подобный, предельно эмоциональный авторский текст журналиста подтверждается мнениями свидетелей, родственников жертв теракта и, конечно, авторитетных политиков и экспертов, то эффективность воздействия умножается многократно [3]. В особенности это важно при коммуникации с молодежью: «Молодые люди с неустойчивой психикой каких-то лжегероев для себя создают, – сказал Президент Российской Федерации Владимир Путин на заседании клуба Валдай в Сочи. – В то же время, уверен, настоящему героизму есть место

в нашей жизни. Это защита цивилизации от язв сегодняшнего дня, одна из которых – терроризм» (<https://ria.ru/20181018/1530999011.html>).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 19-18-00264 в рамках научного проекта «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции».

Библиографические ссылки

1. *Амиров В. М.* Российская журналистика вооруженных конфликтов: современные практики и тенденции развития. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10, Журналистика. Екатеринбург, 2021. 382 с.
2. *Greg S., Muhin M., Oleshko V., Sumskaaya A.* The concept of interdisciplinary research on intergenerational transmission of communicative and cultural memory // World of Media. 2021. No 1 (4). Pp. 64–91. DOI: 10.30547/worldofmedia.1.2021.3.
3. *Олешко В. Ф., Олешко Е. В.* СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. СПб.: Изд-во «Алетейя»; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 470 с.